

Н.А. МОИСЕЕВА

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И "РУССКИЙ ВОПРОС"

МОИСЕЕВА Нелли Алексеевна - кандидат философских наук, доцент Российского аграрного университета, (г. Балашиха, Моск. обл.).

Процесс глобализации подразумевает не только природные изменения, но в большей мере социокультурные. Они происходят в ситуации кризиса "баланса сил", то есть в условиях однополярного мира. Очевидно, одной из главных причин мировой разбалансировки явились трансформационные процессы в России. В связи с этим, под "русским вопросом" здесь понимаются проблемы, стоящие в первую очередь перед Россией и россиянами в условиях глобальных изменений. В статье хотелось акцентировать внимание на взаимозависимости глобальных перемен и "русского вопроса".

Однополярный мир. Противостояние двух мировых систем перед началом и во время "холодной войны": капиталистической и социалистической - давало миру равновесие. Сегодня этот факт замалчивается, поскольку "социализм уже выглядит не как одна из разновидностей единого модернизационного (исторического) проекта, способная вдохновить людей на любом континенте, а как экзотическая особенность русской "туземной" культуры" [1, с. 17] или существование социализма как такового отрицается.

Встает вопрос: чего недоставало социалистической мир-системе, чтобы выдержать конкуренцию капиталистического мира, и что не позволило с достоинством выдержать кризис, который является обыденным в любой системе? С одной стороны, социализм противоречил эгоистической природе человека и, ограничивая его естественные потребности, вступил в конфликт с этой природой. С другой стороны, социализм являлся экономической мир-системой, которая в соперничестве с капиталистической мир-системой не имела больших преимуществ. Есть еще момент, который емко выразил Л. Аннинский: вероятно, причина в нас самих.

Прояснить эти вопросы поможет выявление тех черт русского национального характера, которые способствовали наступлению полосы российских "трансформаций". Во-первых, по утверждению многих мыслителей, и в частности И. Валлерстайна, капиталистическая мир-система, в отличие от всех иных мир-систем, имеет "уникальный перводвигатель", встроенный в нее в качестве структурного принципа, - стремление к

"бесконечному" накоплению капитала. Вот как оценивает отношение к деньгам американцев К. Клакхон: "...остается правдой, что мы не только самая состоятельная нация в мире, но и что деньги, в качестве универсального денежного стандарта, важнее для нас, чем для любых других людей... Блистательные молодые люди приговаривают самих себя к рабству и конкурентной борьбе не на жизнь, а на смерть..." [2, с. 276]. Таким образом, деньги для западного человека выступают репрессивным началом по отношению к началу витально-жизненному. Для русского человека деньги не являются самодовлеющим началом, поскольку понимание богатства в русской культуре иное, чем в мире протестантизма и католицизма. В частности, богатство трактуется в православии как испытание, а не как явление избранности в протестантизме. "Душа России - не буржуазная душа, - душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом", - писал Н. Бердяев [3, с. 34].

Конечно, капиталистическое накопление - черта, в разной степени свойственная и другим историческим системам (и, даже с психологической точки зрения, многим людям, жившим в самые разные исторические эпохи). Встает вопрос об идентичности миропонимания по данному вопросу советского человека, формирование которого длилось 70 лет, и русского православного человека с 1000-летней культурной традицией. Подтверждается мысль Бердяева, что *советское* в большей мере не противоречило *русскому*, поскольку советское отвечает глубинным чаяниям русского православного народа. Во-первых, социалистическая система формировала явно негативную установку к накоплению. И на Руси деньги никогда не абсолютизировались. В менталитете русского народа сформировалось отношение к большим деньгам как греховному, что нашло отражение в народном фольклоре, в обычаях, приметах, обрядах и т.д.

Во-вторых, структурные механизмы капиталистической мир-экономики создают постоянное "давление" накопления капитала, интенсивность которого возрастает по мере эволюции мир-экономики. Капиталистическая система провоцирует потребление, поскольку всякое нетоварное производство нерентабельно. Большинство русских людей оставалось в пределах скромных земных притязаний. Географические и климатические условия являлись главным условием традиционной русской неприязнительности. Способность русских довольствоваться малым позднее закрепляется на ментальном уровне как установка национальной культуры. В современном глобальном мире, по замечанию А.С. Панарина, западный "экономический человек" "готов кастрировать национальную культуру, тщательно выбраковывая все то, в чем он подозревает некоммерческое воодушевление и мужество самодостаточности. Он готов искоренить культуру самоценных форм, всюду заменив ее функциональной прикладной культурой, постоянно памятующей о пользе и отдаче" [1, с. 128].

Менталитет русского народа, как и других европейских народов, формировался под влиянием евангельской притчи о том, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай, и т.п. Но эти тексты, накладываясь на особенности национального характера, формируют этику протестантизма и этику православия с разными отношениями к богатству. "Природа русского народа сознается, как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ" [3, с. 12]. Нигде, пожалуй, отношение к деньгам, накопительству и ростовщичеству, как к несправедливому делу, не укоренилось в глубинах сознания, как у нашего народа. "Я так понимаю, - говорит один из героев А.П. Чехова, - ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать" [4, с. 215]. Это убеждение и нашло отражение в русском национальном характере.

В-третьих, "структурные давления" капиталистической мир-экономики на протяжении примерно четырех столетий вырабатывали ценностное отношение к деньгам на ментальном уровне. На Руси и в социалистической мир-экономике в большинстве своем накопление не являлось стимулом, а богатство целью. Более того, при негативном отношении к богатству в русской культуре, нужно было искать "извиняющие при-

чины", вести активную меценатскую деятельность. Культурные и социальные напластования ослабляли накопительные устремления "естественного человека" и не делали стремление к богатству в русском человеке устойчивым, не способствовали его переждению в "экономического человека".

Об устойчивости стереотипов национального самосознания русских свидетельствуют современные представления россиян о богатстве и его приобретении, содержание которых принципиально не изменилось за десятилетие проводимых в стране реформ. Исследования показывают, что лишь меньшинство граждан хотели бы оказаться на месте самых богатых людей России. По-видимому, значительная их часть убеждена в том, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет "воровства, разграбления страны" (41%), "злоупотребления своим служебным положением, взяток, коррупции" (40%) или "жульничества, обмана других" (39%) и другими нечестными путями. Одновременно с представлениями о несправедности богатства российское сознание по-прежнему отказывается верить в возможность существования "трудолюбивых, талантливых и удачливых" богачей. Способных в это верить среди опрошенных оказалось девять процентов [5].

Следует сделать вывод, что установка на благополучие "сегодня и сейчас" оказалась более свойственной "экономическому человеку". Она оказалась и более устойчивой, и более конкурентоспособной. Другими словами: прагматично-рыночная ориентация оказалась более жизнеспособной перед духовно-возвышенной, поскольку опиралась на эгоистические потребности человека. Это же присуще и современной глобализации.

Переход России и ее народа на новые рельсы рыночной экономики поверг большинство населения в шоковое состояние. Российское общество вновь поражено глубоким экономическим и нравственным кризисом, оно на распутье. В российской истории тема судьбы народа возникала не раз, обостряясь в переломные эпохи социальных преобразований, общественных потрясений и глубоких реформирований. Именно на такой характер происходящих в стране перемен указывают результаты проведенных социологических и психологических исследований. В частности, как пишет "Эксперт" (по тестам "Семантический дифференциал" и ММРІ - Миннесотский многофазный личностный опросник), среди крестьян Белгородской области исследования показали, что в социокультурной среде деревни превалирует "пассивность, мечтательность, минимизация потребностей и, соответственно, усилий, просто лень" [6, с. 51]. Смирение с положением и покорность высказала треть опрошенных. Только каждый пятый имеет в каком-то виде достижительную мотивацию. Более того, согласно данным исследования, крестьяне склонны вообще снимать с себя ответственность за свою жизнь; уклонение от активности тем сильнее, чем беднее живет человек.

Трудно прогнозировать наше будущее, но в новых условиях выражен поворот в сторону ценностей западного образа жизни и торгово-рыночных отношений. Однако следует помнить, что в мире сторонников западных ценностей около 20%. Более того, "для большинства людей планеты, и в первую очередь для России, важнее не деньги и успехи, а что-то другое" [6, с. 52]. В связи с этим, закономерен интерес ученых к проблеме русского национального характера и традиционным национальным ценностям.

Русский национальный характер - причина успехов и падения. Один из авторов научного сборника "Глобализация и постсоветское общество" Н.Е. Покровский утверждает, что сегодняшний "субъект массового сознания" и "коллективного поведения" "видоизменился... до неузнаваемости" [7, с. 44]. Этот факт трудно опровергнуть, тем более его нельзя игнорировать. Многие исследователи обращают внимание на некую "инаковость" социального и нравственного состояния населения современной России. В частности, в материалах социологического и психологического исследования, опубликованного "Экспертом", отмечается, что у населения состояние полной апатии; их трудно мотивировать; "жители села испытывают мучительный стресс". Неприязнательность крестьян архаична: каждый второй опрошенный крестьянин в Белгородской области сказал, что ему не нужен туалет в доме, 28% не видят необходимости в

душе, 35% в легковом автомобиле, 60% ответили, что не стали бы расширять личное подсобное хозяйство, даже если бы представилась такая возможность, 60% открыто признались, что не считают воровство зазорным, - оно признается социальной нормой. С другой стороны, специалисты отметили, что и сегодня особенностью характера жителей российской периферии являются искренность и открытость, высокий уровень эмоционально-чувственного восприятия. Социологи утверждают, что в стране, где индивидуализм рассматривался как одно из самых непростительных качеств человека, не может быстро выработаться устойчивой позитивной индивидуальной мотивации. По этой причине еще не сложился и возможно не скоро сложится приоритет личной инициативы и активности [6, с. 53-54].

Н.Е. Покровский также отрицательно характеризует современного россиянина. Его отличают, во-первых, ориентированность на материальное потребление и постоянное сужение поля социального интереса вплоть до полной одномерности, однофункциональности; во-вторых, необычайная пластичность, способность адаптироваться к любым социальным изменениям и снятие любых нравственных вопросов, вообще отсутствие регулирующих функций нравственного сознания, готовность спускаться все глубже вниз по лестнице архаизации и примитивизации, но выживать в любом варианте. Население может выдержать практически все, заключает Н.Е. Покровский [7, с. 46—47].

Эта мысль автора заставляет задуматься. Если в годы испытаний "выдержать все" считалось достоинством, то сегодня этому явлению приписывается знак "минус". Что же следует считать достоинствами и недостатками русского характера в настоящей ситуации России? В одном интервью режиссер А. Кончаловский по центральному телевидению сделал замечание по поводу русского национального характера: то, что на Западе считается недостатком, в русской культуре превращается в достоинство. Если бы в архетипическом коде русских, по мысли А. Кончаловского, отсутствовала такая характеристика как долготерпение, то теоретически в этом обществе уже должен был произойти взрыв. Если в Европе по любому поводу наступает социальная реакция, то Россия, не имеющая правовых регуляторов Запада, в этом случае превратилась бы в вечно воющую страну.

Представляется, что "архаизация и примитивизация" как возвращение к защитным инстинктам народа происходит именно с целью "выжить в любом варианте", иначе остальное не имеет смысла. Другой вопрос, насколько продолжителен будет этот процесс и не произойдет ли закрепление этого состояния в обществе? Опасность таких периодов, считал Н.О. Лосский, состоит в том, что тяжелые годы внешних и внутренних потрясений истощают силы народа и, сколь бы ни был устойчив его национальный характер, у него "в такие периоды может развиться недоверие к себе и опасная подражательность" [8, с. 324]. Именно эта ситуация является опасной. Надеяться "субъекту массового сознания" и "коллективного поведения" приходится только на себя, так как, по мнению многих, культурная элита общества переродилась и не является уже "духовным пастырем народа". Более того, предупреждал Н. Бердяев, русскому народу свойственно саморазрушение. На этом акцентируют внимание А.А. Зиновьев, Н.Е. Покровский и др. «Русский народ ...еще и безалаберный, вздорный. Может махнуть рукой: "Да пропади все к чертовой матери!". И разрушит все до основания. Это именно в русском характере. А чего не разрушить, если потом можно заново построить?» [9, с. 182]. Состояние разрушения "до основанья, а затем..." в русской культуре не аномалия, а некая характеристика русской ментальности и русского национального характера, в котором не ощущалось недостатка силы и оптимизма. А поскольку жизнь русского народа географически обуславливалась непритязательностью, то, как представляется, и не было стремления к материальному накоплению и сохранению уже созданного, если можно и "заново построить". Н. Бердяев в этом видел "скрытый трагизм бытия", а Е. Трубецкой выражал как "неудовлетворенность всем существующим". Крайняя "антиномичность" и "двойственность" русской души, "принижение разумного начала" [10, с. 41], его "устремленность к крайнему пределу" сыграли в конеч-

ном счете решающую роль в судьбе русского народа. Долготерпение и стремление русского человека к абсолютному, то есть к "крайнему пределу" способствовали становлению России как империи и СССР как второй сверхдержавы. По мнению А. Зиновьева, "характер русского народа был одним из условий успеха русского коммунизма, но он же стал одним из условий кризиса и краха коммунизма в России" [9, с. 327]. Более того, он же причина сегодняшней критической ситуации в стране.

Итак, в русском характере недостаточно развиты стремление дорожить материальными благами, бережное отношение к материальным ценностям, уважение к труду не только других, но и собственному, удивительная способность не ценить плоды своего труда, отсутствуют достигательные ценности, жизненная мобильность, активность по отношению к собственной судьбе, желание организовать собственные условия быта, пестовать активного творца в будущем поколении и др. В силу антиномичности характера, отсутствия толерантности и срединности в русской культуре модернизационные процессы и новации приводили к разрушению, обновление часто начиналось с нуля.

Пришло время задуматься о социальной и культурной истории России, которая периодически возвращается "на круги своя", а русский народ оказывается у "разбитого корыта" (и в прямом и переносном смысле). Академик Д.С. Львов призывал перестать "относиться к своей стране как к целине, которую нужно периодически переплывать заново, теряя каждый раз слои плодородной почвы, накопленные предшествующими поколениями" [11, с. 33]. В XIX веке Н. Бердяев предупреждал, что "мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими" [3, с. 7]. Это, по Н. Бердяеву, предполагает перевоспитание русского характера. Перевоспитание происходит сейчас, что выражается в ориентации русского человека в некой степени на переоценку материальных ценностей, отношения к деньгам, труду и др. Исследования, проведенные журналом "Эксперт", говорят, что у молодого поколения вырабатывается установка на независимость, предприимчивость, материальную обеспеченность, которые становятся преобладающими [12]. Подвижки к обретению недостающих качеств, переоценка ценностей происходят, поскольку "российское общество уже прошло период перелома и стабилизируется именно как общество посткоммунистическое" [9, с. 297]. Жителей России, представляется, можно условно разделить по адаптации национального характера к современным условиям на две кардинально противоположные группы. У представителей первой группы преобладают в характере рационально-достиженческие тенденции, у второй - тенденции эмпатии. В современном глобализующемся мире никто из русских не будет отрицать важности приобретенных в процессе реформ качеств: бережливости, рациональности, знания цены вещам, деньгам, труду. Но возникает вопрос, который ставили представители Франкфуртской школы, он же имманентный вопрос русской философии: о смысле бытия. Подчиняя деяния сугубо экономическим и научно-техническим побуждениям, индивид рискует оставить в забвении гуманистические ценности, дефицит которых очевиден в нашу эпоху [13, S. 129], и бесконечное накопительство есть тупиковый путь. Для русского народа важно найти оптимальное соотношение между воспитанием новых черт характера и сохранением архетипических черт, когда деньги не становятся смыслом бытия, но их нужно научиться зарабатывать, чтобы создать "такое бытие", которое даст возможность быть независимым от "этого бытия" и стать свободным творцом.

Трансформации сознания не проходят бесследно, следствием чего является деформация российских ценностей. Нельзя сказать однозначно, плохо это или хорошо. Изменения произошли и с тем, и с другим знаком. Но можно предположить, что сознание россиян трансформировалось под современную глобальную мир-систему, которую игнорировать Россия не в состоянии. Другой вопрос, что из привнесенного взять, а что переосмыслить и от чего избавиться; то есть, дистанцируясь от сиюминутных изменений, соразмерить с национальными ценностями русской культуры. Осознание всегда происходит по прошествии времени, поэтому, пройдя "порог эйфории" и осмысленно подходя к процессу глобализации, следует задать "русский вопрос" о целесообразности.

О новой рационально-экономической модели. В данном контексте вернемся к Валлерстайну. Капиталистическое накопление, полагает он, практически утратило эффективность, "исчерпало возможности адаптации" и "сохранения постоянства внутренней среды". Капиталистическая мир-экономика достигла уровня, когда возникли причины, ограничивающие дальнейшие возможности ускоренного накопления капитала и скорая "смерть капитализма" стала неизбежной. Валлерстайн в этой мысли не одинок. Н. Бердяев резюмировал: "Капитализм осужден не только потому, что в нем есть моральное зло эксплуатации, но так же и потому, что капиталистическая экономика перестала быть продуктивной, мешает дальнейшему развитию производственных сил и исторической необходимостью обречена на смерть" [3, с. 302]. Такой прогноз подводит предположительный итог антропологической теории "эгоистического человека". Даже если взгляд на "глобализацию как летальную стадию капиталистической системы хозяйства чересчур мрачен, трудно отрицать неизбежность скорых радикальных перемен. В конце концов, мы живем в революционную эпоху конца наличных денег и привычных форм денежного обращения, последствия которой могут быть не менее радикальными, чем последствия Промышленной революции" [14, с. 28].

Джордж Ритцер формулировал современную рационалистическую модель в следующей схеме:

- Efficiency - эффективность, прежде всего экономическая;
- Calculability - просчитываемость в рамках простых и сложных количественных моделей;
- Predictability - предсказуемость, "ожидаемость";
- Control through Nonhuman Technologies - контроль через безлюдные технологии и технологические процессы [7, с. 51].

Это своего рода логическая схема современной модернизации в процессе глобализации. Это новая рациональная модель, которая сориентирована на постмодернистскую рациональность. Мировой опыт свидетельствует о важности завершения технологической модернизации для продвижения экономики к постиндустриальной модели развития. Эта модель несовместима с традиционной, самобытной культурой, да и "самобытность, которая может быть сохранена лишь прикреплением ее к остальным... формам, ничего не стоит, и на ней ничего нельзя основать" [3, с. 71]. Переход к новой рациональной модели в глобальном мире, как представляется, неизбежен.

Для русского народа в процессе постиндустриальной модернизации важны два аспекта. Во-первых, переход к постиндустриальной модели модернизации (естественно болезненный) означает переход России к экономическому развитию и высоким технологиям. Во-вторых, необходимо сочетать "экономическую эффективность и социальную справедливость" [11, с. 33], учитывать требования современности и историческую специфику русской культуры. "Нужна идеология справедливости, если мы будем постоянно чувствовать несправедливость, модернизации не произойдет" (В.А. Ядов) [15, с. 125]. Следует учитывать, что для русской ментальности важно "слово", которое может быть "переплавлено в программу".

Другой проблемой России является проблема национального своеобразия. В традициях русской философской мысли проблема "русскости" - это не стремление к исключительности, особому предназначению или избранности русского народа, а вопрос его исторических корней и, что представляется особенно важным, духовных оснований развития. Как подчеркивал Н. Бердяев, развитие и обогащение всечеловеческого достигается через глубину и богатство национальных индивидуальностей и культур, как и наоборот. По мнению современного философа В.В. Ильина, России "надлежит вымостить свой высокотехнологичный, но вместе с тем светлый, морально не токсичный путь утверждения". В.В. Ильин полагает, что "магистралью будущего" для России должна стать своего рода формула: "Тело Запада, душа России, прагматизм и духовность..." [16, с. 25]. Другой вопрос, что всякое изменение целей и структуры общества ведет за собой переоценку ценностей: благодаря этому человек получает возможность действовать в новых социальных условиях.

О постклассических ценностях в глобальном мире. Сегодня капиталистическая мир-экономика выходит на "подмостки мировой арены" в постмодернистской форме. Кардинальными переменами современности являются становление и функционирование глобального мира по законам, свойственным не классической модели национальных государств, а постклассическим установкам. К ним можно отнести следующие: переориентация рациональности от "модерна" к "постмодерну"; комплексность изменений социальных структур; доминирование мультикультурности и мозаичности культуры; признание гражданского общества превалирующей формой социальной упорядоченности.

В глобальном мире вера в прогресс уступила место идее, что цивилизации могут развиваться в разных направлениях. На место идеи рациональности и уникальности истины пришло постклассическое убеждение, что одно лишь рациональное мышление не может быть основой развития культуры. Истина не является уникальной, она зависит, по меньшей мере, от аспекта интерпретации. Вместо ориентации на отношения "господство-подчинение" намечилось движение конвергенции с принципом сотрудничества. Другой вопрос, найдется ли в постмодернистской концепции коэволюции, взявшей на вооружение мультикультурные ценностные ориентации, место тому многообразию, которое она проповедует? Или культ погони за материальными благами будет форсировать нивелировку самобытных культур и переделку национальных характеров?

Позволительно предположить, что ценностные системы разных цивилизаций в будущем станут сближаться по мере расширения поля общих проблем и общих нравственных норм, поскольку вследствие промышленных революций на Западе и на Востоке уже частично пересматривались и постепенно перестраивались "в духе времени" прежние нравственные нормы и установки, уступая место новым ценностям. Вследствие этого в глобальном мире должно предполагать "мягкие" социальные технологии, такие как гуманитарный диалог и культурное посредничество. В частности, принципом нового полагания ценностей в глобальном мире является стремление избегать риска угрозы экологической катастрофы.

Как представляется, формирование "новых ценностей" будет происходить во взаимосвязи, во-первых, с принципом изменения процедуры оценки в современной культуре. Сегодня превалирует утилитарное определение ценностных норм. Если в традиционных обществах люди считали систему ценностей основанной на древней традиции и вере в волю Бога, то сегодня создание новых ценностей и их принятие основаны на сознательной оценке и утилитарном подходе. Во-вторых, релятивизм в оценках: "все ценности - дело вкуса каждого человека", - усилил общую моральную растерянность, поскольку, получая распространение, ценности иных цивилизаций привлекают одних людей и отталкивают других. В частности, сегодня есть попытки ценности западной цивилизации представить в качестве универсальных. Внутри западного мира эти ценности выполняют регулирующую функцию, на международной арене становясь средством подавления других народов. В-третьих, если раньше выделялись ценности отдельных слоев и социальных групп, сегодня, благодаря социальной мобильности, происходит объединение самых противоречивых ценностей.

В конце XX века, как и столетие назад, "новые ценности" образуются и актуализируются в процессе решения новых моральных вопросов. Глобальные проблемы едины для всех цивилизаций. Вследствие этого выработка новых "общих ценностей" происходит на основе взаимной дополнительности культур с разными нравственными системами. Человечество стало "возделывать" общее поле духовных проблем", и это естественным образом сближает народы и культуры.

В современном глобальном нравственном кризисе, утверждает А.Ю. Согомонов, на вызовы эпохи отвечает глокалэтика, которая "демонстрирует энергично глобализирующемуся миру новую этическую матрицу... принципиально инновационную для всей классической этики, что, в принципе, было невозможно все предшествующие столетия "простой" современности - состыковку-сосуществование рациональной мо-

рали и реальных нравов" [17, с. 70]. Вертикальная иерархия нравственных культур последних трех-четырех столетий, когда одни культуры считались более развитыми (продвинутыми), а другие - менее развитыми (варварскими), конкретная нравственная ситуация будет детерминирована многообразием вариаций в морали глобального начала и локальных корней. Но главное: в этом переплетении глобальное и локальное в морали партнерски равнозначны. По мнению А.Ю. Согомонова, глокалэтика "высокой" модернизации имеет дело с рефлексующим субъектом, который уже не приемлет модернистских практик этического диалога безнравственного Ученика и нравственного Учителя [17, с. 79]. Таким образом, в глобальной культуре акцентируется не интеграция локальных культур как путь соединения, а конвергенция как путь сближения и отбора ценностных ориентиров. Началом глобальной этики должны все же стать универсальные образцы глобальной культуры (на основе взаимной дополнительности национальных культур) и руководство гуманистической максимой: "не навреди!".

Что касается "русского вопроса", то сегодня в России предпринимаются попытки привить новую систему ценностей, имеющую универсальный характер в глобализирующемся мире. Такая попытка была предпринята при социализме, когда форсированными темпами стремились привить людям систему высших духовных ценностей, переориентировать русский национальный характер. Сегодня русская ментальность претерпела откат от социалистической системы ценностей и возврат к традиционным корням. Многие советские ценности никак не были связаны с сегодняшним пониманием глобального общества. Л.М. Дробижева высказала предположение, что даже если бы мы оставались в советской системе, то вряд ли смогли бы избежать глобализации. Но этот процесс шел бы по-другому: он столкнулся бы с сопротивлением идеологии и иной системы ценностей. Не было бы тогда сегодняшней выраженной ориентации постсоветского населения на достижительные ценности: даже в далеких городах люди настроены на сохранение свободы, готовы рисковать, чтобы больше зарабатывать, менять профессию; значительно повысилась активность населения [18, с. 187].

Глобализирующийся мир становится единым. Вследствие этого общие нравственные образцы и стандарты научно-технической и социально-экономической рациональности неминуемо транслируются через преемственность социального опыта и ассимилируются в условиях различных культур. Проблема в том, чтобы их совместить с постклассической рациональностью и ценностными стандартами локальных культур в глокалэтике. Императивом глобализации является необходимость утверждения нового мышления. Инновационная перспектива в сочетании с культурной идентификацией любой страны и, в частности, России, необходима, но невозможна без учета реалий сегодняшних дней. Отгородиться от них "шорами ностальгии по прошлому" бесперспективно и небезопасно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панарин А.С.* Испытание глобализмом. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
2. *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. Пер. с англ. СПб., 1998.
3. *Бердяев Н.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
4. *Чехов А.П.* Сочинения в 18 т. Т. 9. М., 1985.
5. *Бетанели Н.* Зеркало // Московский комсомолец. 5 сентября 1997. С. 4.
6. *Хисамова З.* Что подумает сосед Василий? // Эксперт. № 38, 2002.
7. *Покровский Н.Е.* Транзит российских ценностей // Глобализация и постсоветское общество / "Аспекты-2001". Научное издание. М.: Изд. ООО "Стови", 2001.
8. *Лосский И.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
9. *Зиновьев А.А.* Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991-1995 гг. М.: Республика, 1996.
10. *Вехи.* Интеллигенция в России. Сборники статей 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 41.

11. *Львов Д.С.* Экономика России, свободная от стереотипов монетаризма // Социально-политическая стабильность в Российской Федерации и формирование среднего класса. Матер. Всероссийск. научн. конфер. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд. "Университет и школа", 2001.
12. Средние русские // Эксперт. 2000. № 34 (245), 18 сентября.
13. *Horkheimer M., Adorno Th.* Dialektik der Aufklarung. Fr.a.M., 1969.
14. *Девятко И.Ф.* Модернизация и институциональный изоморфизм // Глобализация и постсоветское общество /"Аспекты-2001"/ Научное издание. М.: Изд. ООО "Стови", 2001.
15. Цит. по: Проблемы развития юридических и социально-экономических наук в России. М.:Изд. РосНОУ, 2001.
16. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: МГУ, 2000.
17. *Согомонов А.Ю.* Глокальность // Глобализация и постсоветское общество /"Аспекты-2001"/ Научное издание. М.: Изд. ООО "Стови", 2001.
18. Из интервью с *Л.М. Дробижевой* // Глобализация и постсоветское общество /"Аспекты-2001"/ Научное издание. М.: Изд. ООО "Стови", 2001.